

УДК 821.61

**СПЕЦИФИКА СМЕХОВОГО СЛОВА В ЭПИСТОЛЯРИИ
А. С. ПУШКИНА И М. Ю. ЛЕРМОНТОВА
(К ПРОБЛЕМЕ СКРЫТОЙ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ)**

© Светлана Дубровская

**SPECIFIC NATURE OF RISORIAL WORD IN THE LETTERS
OF A. S. PUSHKIN AND M. Y. LERMONTOV
(ON HIDDEN INTERTEXTUALITY)**

Svetlana Dubrovskaya

Risorial word is one of the most important mechanisms of producing a comical effect in fictional and nonfictional discourse of Russian literature in the first third of the 19th century. Among the elements, which are responsible for the hybrid nature of risorial word, intertextuality is of special importance, including the cases when it is presented implicitly, in the form of barely recognizable quotations, allegories, parodies, etc.

The article analyses several cases of intertextuality of risorial word in the letters of A. S. Pushkin and M. Y. Lermontov, the letters in which they raise the issues of artistic practices and literary life. Particular attention is paid to the letters, including verse meta-descriptions whose nature of risorial word is associated with reading and studying Shakespeare. The article concludes that there are different forms of intertextuality. In the letters of M. Y. Lermontov, risorial word is clearly Shakespearean, while in Pushkin's letters Shakespearean nature of risorial word is not so evident, which can be regarded as a hidden form of risorial word intertextuality.

Keywords: laughter, risorial word, A. S. Pushkin, M. Y. Lermontov, W. Shakespeare, letters, intertextuality.

Смеховое слово является одним из важнейших механизмов порождения комического в художественном и нехудожественном дискурсах отечественной словесности первой трети XIX века. Среди элементов смехового слова, обеспечивающих его гибридность, существенное место занимает интертекстуальность, в том числе и представленная в своих неявных формах на уровне едва узнаваемых цитат, обыгрываемых аллегорий, пародийных переделок и т. п.

В предлагаемой статье представлен анализ нескольких случаев интертекстуальности смехового слова в эпистолярии А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Не претендуя на полноту выводов, мы полагаем возможным обозначить ряд ключевых моментов проблемы. В статье анализируются письма А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, затрагивающие обсуждение вопросов творческой практики и литературной жизни. Особое внимание уделяется письмам, включающим стихотворные метаописания, характер смехового слова которых связан с чтением и изучением Шекспира. В статье делается вывод о разных формах проявления интертекстуальности: если в письмах Лермонтова смеховое слово имеет явно просматривающийся «шекспировский след», то в письмах Пушкина шекспировский смех звучит неявно, и можно говорить лишь о шекспировском присутствии, о скрытой форме интертекстуальности смехового слова.

Ключевые слова: смех, смеховое слово, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, У. Шекспир, письма, интертекстуальность.

Прежде чем обратиться к рассмотрению писем А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, необходимо определиться с понятием смехового слова. Теория смехового слова, созданная в трудах М. М. Бахтина (см.: [Осовский, Дубровская], [Киржаева, Осовский]), становится важнейшим инструментом для исследования комического

дискурса отечественной словесности. Исходя из контекстов употребления Бахтиным этого понятия, смеховое слово можно определить как слово-высказывание, порожденное смехом и одновременно порождающее смех. Генетическим истоком смехового слова является амбивалентный и универсальный карнавальский смех, поэтому

смеховое слово всегда акцентирует положительный, веселый полюс смеха и не только восстанавливает утраченную в литературе нового времени амбивалентность смеха, но и меняет языковой масштаб текста / контекста / героя за счет подключения карнавальная точки зрения.

Смеховое слово является одним из важнейших механизмов порождения комического в художественном и нехудожественном дискурсах отечественной словесности первой трети XIX века. Среди элементов смехового слова, обеспечивающих его гибридность, существенное место занимает интертекстуальность, в том числе и представленная в своих скрытых / неявных формах на уровне плохо узнаваемых цитат, обыгрываемых аллегорий, пародийных переделок и т. п. Анализ нескольких случаев интертекстуальности смехового слова в эпистолярной А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова представлен в предлагаемой статье.

Как известно, пушкинский 1825 год – Михайловская ссылка – время создания четвертой главы «Евгения Онегина», публикация первой главы романа, и в связи с этим активное обсуждение задач литературы в переписке с А. А. Бестужевым и К. Ф. Рылевым. Одним из вопросов обсуждения стал вопрос о шутке, смехе, легком и веселом в словесности. Это же время чтения и изучения Шекспира¹, работы над «Борисом Годуновым», активной переписки с В. А. Жуковским и П. А. Вяземским. Летне-осенняя переписка Пушкина с Вяземским в 1825 году представляет собой обсуждение серьезных вопросов средствами комического. Характеризующая это пушкинское время литературно-полемика активность² предполагала интенсивное использование разных видов и форм смехового слова: от карнавально-игрового до сатирического и серьезно-смехового. В рамках нашей темы особо показательны письма, фиксирующие этапы работы над драмой «Борис Годунов». Выдержки из этих писем обстоятельно прокомментированы и проанализированы в связи с рассмотрением

творческой истории «Бориса Годунова», новаторства драматургии Пушкина и в целом историко-философской концепции писателя. При этом исследователи обходили вниманием контекст, в котором эти характеристики прозвучали. Между тем, возвращенные и рассмотренные в контексте, эти характеристики, обретая смысловую полноту и одновременно освещая контекст, демонстрируют пушкинские способы создания серьезно-смехового дискурса. Интертекстуальный характер смехового слова проявляется благодаря явной актуализации арзамасской игры со словом и неявному шекспировскому присутствию в пушкинской манере обрисовки как созданных в драме образов, так и своих творческих планов и настроений.

В письмах к П. А. Вяземскому А. С. Пушкин поддерживает стиль общения мужского сообщества, в то же время нельзя не отметить в переписке продолжения арзамасской манеры выстраивать обсуждение и анализ творческой практики через осмеяние и самоосмеяние. Письма насыщены образами телесного низа, уподоблением творческих процессов физиологическим, хвалой-бранью и другими элементами карнавальности.

Первое упоминание работы над «Борисом Годуновым» («Покамест, душа моя, я предпринял такой литературный подвиг, за который ты меня расцелуешь: романтическую трагедию!» [Пушкин, с. 188]) соседствует с самопрезентацией Пушкина («от арзамасского гуся») и последующим написанием стилизованного названия драмы, в котором не только обозначается масштаб представленного события, но и подчеркивается серьезно-смеховой характер произведения: «Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе и о Гришке Отрепьеве» писал раб божий Александро сын Сергеев Пушкин в лето 7333, на городище Воронице» [Там же].

В последующих письмах к Вяземскому арзамасская атмосфера (в частности, обращение к адресату по прозвищу: «Не демонствуй, Асмодей») и соответствующие атрибуты составляют часть разговора о трагедии. Так, передавая благодарность Н. М. Карамзину за присланное Житие юродивого и обыгрывая свое творческое взросление, Пушкин писал: «Благодарю от души Карамзина за Железный колпак, что он мне присылает; в замену отошлю ему по почте свой цветной, который полно мне таскать. В самом деле, не пойти ли мне в юродивые, авось буду блаженнее!» [Там же, с.225].

В ноябрьском письме к Вяземскому (около 7 ноября 1825) Пушкин, отвечая адресату, актуализирующему арзамасский контекст, сразу на-

¹ В письме Н. Н. Раевскому-сыну в июле 1825 года Пушкин восклицал: «...до чего изумителен Шекспир! не могу прийти в себя! Как мелок по сравнению с ним Байрон-трагик» [Пушкин, с. 197, 541].

² В. Э. Вацуру посчитал: «из четырех с лишним десятков законченных им (Пушкиным – С. Д.) в 1825 году стихотворений более половины – шуточных и эпиграмматических» [Вацуру]. Среди них – «Ты и я», «Ода его сиятельству графу Дм. Ив. Хвостову», «Жив, жив, Курилка!», «Словесность русская больна...» – произведения пародийно-сатирические, осмеивающие как конкретных литераторов, так и складывающуюся литературную ситуацию.

страивается на смеховую волну и дает несколько абсолютно карнавалских формул. Стихи, созданные по арзамасскому лекалу, описывают творческий процесс в сниженном, с преобладанием материально-телесных образов, плане:

В глуши, измучась жизнью постной,
Изнемогая животом,
Я не парю – сижу орлом
И болен праздностью поносной [Там же, с. 239].

Общая интонация письма – карнавалско-смеховая – подготовлена целым рядом обстоятельств личностного и творческого плана (усталость от михайловского «заточения», не оправдавшиеся надежды на побег, неясное будущее и при этом ощущение своей творческой силы³, создание нового вида драмы – народной; нового вида романа – «романа в стихах», чтение и изучение Шекспира). Смеховое слово, с помощью которого идет описание творческого процесса, транслирует многообразно и многообразно настроения поэта:

Бумаги берегу запас,
Натугу вдохновенья чуждый,
Хожу я редко на Парнас,
И только за большою нуждой [Там же].

Уподобляя творчество испражнению, Парнас – уборной, Пушкин следует заданному Вяземским тону, смех переходит в содержание:

Но твой затейливый навоз
Приятно мне щекотит нос:
Хвостова он напоминает,
Отца зубастых голубей,
И дух мой снова позовет
Ко испражненью прежних дней... [Там же].

В смеховом контексте, с разгулом карнавалской символики – верх и низ меняются местами («целую тебя в поэтическую ж...») [Там же] – звучит представление трагедии «Борис Годунов» («Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедией, в ней же первая персона Борис Годунов! ...») [Там же] и ее героев (юродивого, Марины, капитана Маржарета). Сама природа этого представления амбивалентна, с подключением нескольких дискурсов для создания комических смыслов: литературно-критического, карнавалского, биографического, политического. Описание своего театрализованного поведения Пушкин завершает формулой увенчания-

развенчания в хвалебно-бранном восклицании: «Трагедия моя кончена; я перечел ее вслух, один, и бил в ладоши и кричал, ай да Пушкин, ай да сукин сын!» [Там же]. Следующая фраза – «Хоть она и в хорошем духе писана, да никак не мог упрятать всех моих ушей под колпак юродивого. Торчат!» [Там же, с.240] – это аллюзия к пушкинскому юродивому Николке, и здесь можно говорить как об обыгрывании реплики В. А. Жуковского, переданной в письме П. А. Вяземского («Жуковский уверяет, что и тебе надобно выехать в лицах юродивого» [Там же, с. 224]), так и об игре Пушкина-автора письма с Пушкиным-автором «Бориса Годунова», что отражает способность Пушкина к иронической саморефлексии.

Постоянно переходя из зоны серьезного в зону смеха, Пушкин реализует карнавальную традицию (воспринятую в том числе и через шекспировское слово), которая демонстрирует интертекстуальность смехового слова. Созданные пиршественные и телесные образы имеют амбивалентный характер: карнавальная игра не отрицает высокого творчества, но фамильяризирует его, «очеловечивает» художника.

Если комическое, смех, смеховое слово воспринимаются как абсолютно органичные в творчестве Пушкина, то с М. Ю. Лермонтовым не все столь очевидно: до последнего времени в отечественном литературоведении преобладала тенденция рассмотрения творчества Лермонтова как поэта преимущественно трагической темы. Между тем уже современники обращали внимание на амбивалентный (воспользуемся термином М. М. Бахтина) характер художественного мышления и творческих настроений Лермонтова. Примечательна характеристика, данная Ф. М. Достоевским, отмечавшим, что Лермонтов, конечно, был байронист, но «по великой своеобразной поэтической силе своей и байронист-то особенный – какой-то насмешливый, капризный и брюзгливый, вечно не верующий даже в собственное свое вдохновение, в свой собственный байронизм» [Достоевский, с. 209].

В воспоминаниях людей, знавших поэта, Лермонтов предстает веселым, остроумным, насмешливым и часто язвительным молодым человеком, готовым шутить и импровизировать. Нельзя не заметить, как воспоминания разрушают хрестоматийный образ разочарованного, грустно-романтического, пребывающего в вечном конфликте с самим собой и окружающим миром художника. На смену ему приходит веселый, склонный к поведенческим маскам и литературной игре участник жизни света, шуткой и насмешкой разрушающий и переигрывающий ка-

³ Ср. в письме к Раевскому (после 19 июля 1825 года): «Чувствую, что духовные силы мои достигли полного развития, я могу творить» [Там же, с. 198, 542].

нонические нормы поведения в обществе⁴. Эпи-столярий поэта также проявляет отзывчивую радости и открытую смеху натуру, демонстрирует его предрасположенность к игровому повествованию. В рамках нашей темы мы обратимся к нескольким письмам, раскрывающим отношение Лермонтова к Шекспиру как в прямых высказываниях и оценках, так и в карнавально-смеховом переигрывании шекспировского слова.

Напомним, что в ранней юности Лермонтов, защищая Шекспира, выделяет в трагедии «Гамлет» в числе других впечатливших его сцен (явление призрака, сумасшествие Офелии) сцену могильщиков. В письме к М. А. Шан-Гирей («Москва, февраль 1831 или 1832 г.») он писал: «Вступаюсь за честь Шекспира. Если он велик, то это в Гамлете; если он истинно Шекспир, этот гений необъемлемый, проникающий в сердце человека, в законы судьбы, оригинальный, то есть неподражаемый Шекспир – то это в Гамлете. Начну с того, что имеете вы перевод не с Шекспира, а перевод перековерканной пьесы Дюси-са, который, чтобы удовлетворить приторному вкусу французов, не умеющих обнять высокое, и глупым их правилам, переменял ход трагедии и выпустил множество характеристических сцен: эти переводы, к сожалению, играют у нас на театре. Верно, в вашем Гамлете нет сцены могильщиков, и других, коих я не запомню» [Лермонтов, т. 6, с. 407].

Примечательно, что подобную сцену (имеющую явно карнавальное звучание) Лермонтов включает в свою первую драму «Испанцы» (1830):

1-й гробовщик

Ей пышные готовят похороны, / Я слышал.

2-й гробовщик

Вот чего не понимаю!

Не все ль равно усопшему, в парче / Или в холсте он будет съеден червем? [Лермонтов, т. 5, с. 136].

Характерна карнавально-смеховая составляющая «шекспировского следа». В 1832 году в письме к М. А. Лопухиной Лермонтов, описывая свое душевное состояние, создает стихотворение («Конец! как звучно это слово!»), обнаруживающее шекспировские (имеющие смеховую природу) аллюзии и реминисценции:

Когда ж чиновный человек
Захочет место на кладбище,

То ваше тесное жилище
Разроет заступ похорон
И грубо выкинет вас вон;
И может быть из вашей кости,
Подлив воды, подсыпав круп,
Кухмейстер изготавит суп –
(Все это дружески, без злости).
А там голодный аппетит
Хвалить вас будет с восхищеньем;
А там желудок вас сварит,
А там – но с вашим позволеньем
Я здесь окончу мой рассказ;
И этого довольно с вас [Лермонтов, т. 6, с. 415–416].

Прозаизация смерти усложняется карнавальными характеристиками, происходит сближение жизни и смерти, смеховое «стирание границ» между человеком и миром: сначала земля поглощает тело, затем земля «отдает» тело (поэт использует сатирические краски при объяснении закономерностей – *Когда ж чиновный человек...*), а далее – абсолютно карнавальная картина (*Кухмейстер изготавит суп...*) – тело становится частью другого и возвращается миру, земле (*А там желудок вас сварит / А там...*). Череда «превращений» образов материально-телесного прерывается на угадываемом этапе.

Отметим, что и другой вариант этого стихотворения «Что толку жить!.. Без приключений...» может быть прочитан на «фоне Шекспира». Написанное онегинской строфой, несвободное от аллюзий на пушкинский роман, стихотворение обыгрывает сцену из «Гамлета» (могильщик, роющий могилу для Офелии, выбрасывает череп Йорика, Гамлет произносит свой знаменитый монолог «Бедный Йорик!»):

<...> ваше узкое жилище

Разроют смелою рукой...

И гроб поставят к вам другой.

И молча ляжет с вами рядом

Девушка нежная, одна,

Мила, покорна, хоть бледна;

Но ни дыханием, ни взглядом

Не возмутится ваш покой –

Что за блаженство, боже мой! [Лермонтов, т. 2, с. 60].

Диалог Лермонтова с Шекспиром длился на протяжении всей творческой жизни поэта: от ранних переложений («Три пальмы»), активного цитатного и реминисцентного включения (драма «Испанцы») к размышлениям о художественном совершенстве Шекспира (письмо к М. А. Шан-Гирей), к использованию сюжетной канвы «Отелло» («Маскарад»), через комическое обыгрывание («Сашка»), письмо к М. А. Лопухиной,

⁴ См. воспоминания В. П. Бурнашева, А. П. Шан-Гирей, А. М. Меринского, А. В. Мещерского, Е. П. Ростопчиной: [М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников].

«Герой нашего времени») к стремлению нового осмысления шекспировского творчества (в последнем письме к бабушке содержится просьба прислать «полного Шекспира, по-англински» [Лермонтов, т. 6, с. 462]. Выразительной особенностью обозначенного диалога стало внимание Лермонтова к карнавальному слову Шекспира.

Таким образом, интертекстуальность смехового слова имеет разные формы проявления: если в отношении творчества Лермонтова можно говорить о явно просматриваемом «шекспировском следе», то в карнавально-смеховом дискурсе писем Пушкина шекспировский смех звучит неявно, и можно говорить лишь о шекспировской атмосфере, о скрытой форме интертекстуальности смехового слова.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта №18-012-00341 А.

Список литературы

Вацуро В. Э. Михайловские письма // В. Э. Вацуро Статьи разных лет, 2004 URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1033639/81/Vacuro_-_Stati_raznyh_let.html (дата обращения: 15.06.2018).

Достоевский Ф. М. Пушкин. Лермонтов и Некрасов // Ф. М. Достоевский Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. Л.: Наука, 1995. С. 206–211.

Киржаева В. П., Осовский О. Е. О двух терминах М. М. Бахтина в контексте истории отечественного литературоведения XX века // Филология и культура. Philology and Culture. 2016. № 1 (43). С. 223–228.

Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1954–1957.

М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М.: Худож. лит., 1989. 672 с.

Осовский О. Е., Дубровская С. А. Разработка концепции «смехового слова» в трудах М. М. Бахтина

1930–1960-х гг.) //Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. I. С. 163–167.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. Т. 13. Переписка 1815–1827. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1937. 651 с.

References

Dostoevskii, F. M. (1995). *Pushkin. Lermontov i Nekrasov. Sbranie sochinenii* [Pushkin. Lermontov and Nekrasov. Collection of Works]. V 15 t. T.14, pp.206–211. Leningrad, Nauka. (In Russian)

Kirzhaeva, V. P., Osovskii, O. E. (2016). *O dvukh terminakh M. M. Bakhtina v kontekste istorii otechestvennogo literaturovedeniia XX veka* [On Two M. Bakhtin's Terms in the Historical Context of Russian Literary Studies]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*. No.1(43), pp. 223–228. (In Russian)

Lermontov, M. Iu. (1954–1957). *Sochineniia* [Collection of Works]. V 6 t. Moscow, Leningrad, AN SSSR. (In Russian)

M. Iu. Lermontov v vospominaniakh sovremennikov (1989) [M. Y. Lermontov in the Memoirs of His Contemporaries]. 672 p. Moscow, Hudozh. lit. (In Russian)

Osovskii, O. E., Dubrovskaya, S. A. (2014). *Razrabotka kontseptsii "smekhovogo slova" v trudakh M. M. Bakhtina 1930–1960-kh gg.* [Developing of Conception of "Risorial Word" in the Works of M. M. Bakhtin of the 1930s – 1960s]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, Gramota, No. 4 (34), v 3-h ch. Ch. I, pp. 163–167. (In Russian)

Pushkin, A. S. (1937). *Polnoe sobranie sochinenii* [Collection of Works]. V 16 t. T. 13. Perepiska 1815–1827. 651 p. Moscow, Leningrad, AN SSSR. (In Russian)

Vatsuro, V. E. (2004). *Mikhailovskie pis'ma. Stat'i raznyh let* [The Letters from Mikhailovskoye. Articles of Various Years]. URL: http://www.e-reading.club/chapter.php/1033639/81/Vacuro_-_Stati_raznyh_let.html (accessed: 15.06.2018). (In Russian)

The article was submitted on 16.06.2018

Поступила в редакцию 16.06.2018

Дубровская Светлана Анатольевна,
кандидат филологических наук,
доцент,
Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет,
430005, Россия, Саранск,
Большевикская, 68.
s.dubrovskaya@bk.ru

Dubrovskaya Svetlana Anatolyevna,
Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
National Research Mordovia State University,
68 Bolshevistskaya Str.,
Saransk, 430005, Russian Federation.
s.dubrovskaya@bk.ru